

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ЭКОНОМИКЕ: К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЕБЕРА*

Д.Е. Расков

Санкт-Петербургский
государственный университет
danila.raskov@gmail.com

В статье разбирается трактовка Максом Вебером взаимосвязи экономики и религии. Наибольшее внимание уделено концепции «избирательного сродства», которой принадлежит одно из центральных мест в раскрытии тонкого взаимодействия материальной культуры и религиозного опыта. Одноименный роман Гете «Избирательное сродство» (1809) и разнообразная критика помогают лучше понять логику Веберовского эссе «Протестантская этика и дух капитализма» (1905), а также дают возможность показать формальное сходство и содержательные различия роли протестантизма и старообрядчества в экономической модернизации Европы и России.

Ключевые слова: Вебер, избирательное сродство, протестантизм, старообрядчество, капитализм.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-2.1-70-80

- Вы что-нибудь слышали о Рамсее?
- С него сняли скальп индейцы.
- Бедный малый. Он только два дня назад отдал 50 центов за стрижку.

Американская шутка о шотландцах

Связь экономики и религии: постановка проблемы

Экономика и религия – понятия, актуальная история которых начинается вместе с Новым временем и Просвещением. Это понятия подвижные, переопределяемые под воздействием изменяющейся реальности и подходов в науке. Религия появляется вместе с обезбожением и расхристианизацией благодаря учреждению секулярного. Религия не является самоочевидным понятием, но зачастую несет в себе определенную идеологическую и дискурсивную на-

грузку [11]. Трудно не согласиться с Мартином Хайдеггером, который в своем выступлении о новоевропейской картине мира говорил о том, что христиане перетолковывают христианство в мировоззрение: «*Пятое явление Нового времени – обезбожение. Это выражение не означает простого изгнания богов, грубого атеизма. Обезбожение – двоякий процесс, когда, с одной стороны, картина мира расхристианизируется, поскольку вводится основание мира в качестве бесконечного, безусловного, абсолютно-го, а с другой – христиане перетолковывают свое христианство в мировоззрение (христианское мировоззрение) и таким образом соотносятся с Но-*

* Материал подготовлен при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-04-00380а.

вым временем. *Обезбожение есть состояние принципиальной нерешенности относительно Бога и богов»* [13, с. 42].

Именно в Новое время и появляется понятие религии. Оно сменяет такие понятия, как вера, священство, церковь. Европейское Средневековье погружено в христианство, поэтому оно не осознается отдельно, как нечто отчуждаемое и отделимое от целого. Традиционное общество еще не знало религии, так же как люди с традиционными взглядами не понимают, что конкретно имеется в виду под религией: служба, вера, обряд, молитва или откровение. Понятия *экономика* и *религия* появляются одновременно вместе с Новым временем и процессом обезбожения, секуляризацией и усилением процессов разделения труда в обществе.

Экономика как тотальная сила, пронизывающая все взаимодействия в обществе, также появляется вместе с Новым временем. Строго говоря, экономика как сфера жизни погружена в культуру и отчасти в нормы и практики, связанные с религией. Современная экономическая мысль в отличие от политической экономии уже не связывает себя со сферой материального производства и тем более со сферой домашнего хозяйства, подчиненного добродетели или нормам, связанным с религией. При таком понимании экономика попадает в тавтологичное пространство рационального. Тавтологичное, поскольку рациональность представляет лишь оболочку, ризому, без какой-либо связи с содержанием и смыслом. Верно и то, что экономика играет настолько существенную роль, что все больше претендует в общественном дискурсе на священное место, где эффективность, рациональность, ВВП занимают место нового фетиша экономики и политики.

Проекции религии на экономику или, иными словами, косвенные следствия религиозных взглядов на мир имели важное значение для происхождения современности и капитализма. Особое место в хозяйственной этике мировых религий занимают монотеистические религии: иудаизм, христианство и ислам. Вера в одного единственного Бога способствовала формированию абстрактного мышления, востребованного в науке, возвысила человека над тварным миром природы и санкционировала его освоение, задала *индивидуальную* ответственность за спасение.

Исторически христианство не принимает мир, так же как политику, науку (внешнюю мудрость и «красноглазие»), искусство. Пока в экономике возможно личное взаимодействие, личное участие, категории *греха* и *спасения* являются мостиком между христианством и экономикой. Неслучайно, что две основные связанные с экономикой дискуссии, которые велись в Средневековье, касались взимания процента (ростовщичество) и справедливой цены. Поздние средневековые схоласты в поисках оправдания процента разработали концепции альтернативной стоимости, неопределенности и риска. К деньгам, проценту, богатству сохранялось настороженное, двойственное отношение, стяжание духовное противопоставлялось стяжанию земному. Сама сфера экономики вызывала *напряжение, проблемы*. Снятие, переворачивание этого напряжения, решение части проблем создало современную постхристианскую цивилизацию.

Интересен для осмысления феномен так называемого *монастырского эффекта*, который может быть сведен к тому, что *нестяжание и трудолюбие* создавали богатство, отказ от мира заставлял накапливать блага это-

го мира. В известном смысле это парадокс: аскеза заставляет отказываться от богатства и мира, но трудолюбие дает блага, а зачастую сам мир настигает и ввергает излишки этого богатства в управление. Достаточно упомянуть нищенствующие ордена (францисканцев) или возвышение афонских монастырей, где мистическая практика умной молитвы (исихазм), казалось бы, не должна была приводить к каким-то экономическим последствиям.

В истории взаимодействия христианства и экономики есть одна пространственно-временная точка перехода, которая издавна и стандартно привлекала внимание исследователей, – это *зарождение современного капитализма и косвенная роль в этом протестантской этики*. Дискуссии в основном сводятся к обсуждению тезиса Вебера. Справедлив ли тезис Вебера? Отчасти да – современные северные страны, унаследовавшие протестантское мировоззрение, оказываются успешнее в технологиях, в формировании благоприятного инвестиционного климата, в создании ТНК. В США, пока еще самой развитой экономике мира, политические институты в момент зарождения имели прямую связь с протестантизмом. С другой стороны, мы видим, что исследователи недостаточное внимание уделяли процессам католического возрождения, так называемой контрреформации западного христианства. Католическая Бельгия, ранний капитализм Флоренции, Генуи или Венеции, обволакивающее освоение новых территорий иезуитами Латинской Америки стали не менее интересными явлениями в мировой истории.

Существует ли определенное «избирательное сродство» между религиозными верованиями и профессиональной этикой, между религией и материальной куль-

турой? Это один из ключевых вопросов, который ставит Макс Вебер в своем исследовательском этюде «Протестантская этика и дух капитализма». Раскрыть понимание Вебером религиозного фактора в экономике без грамотной интерпретации этого понятия представляется маловероятным. Вебер как бы задал определенную загадку, когда в решающий момент прикрыл эту непростую причинно-следственную связь термином, который изначально использовался алхимиками, затем, по крайней мере с конца XVIII века, стал встречаться в трактатах по химии (Г. Бергман, 1775), а позднее вошел в вокабулярный образованного человека благодаря роману Гете «Избирательное сродство» (1809) [4], в котором способность отталкиваться и притягиваться приписывалась уже страстям человеческим. Наконец, Вебер переводит эту метафору в новое измерение – в социальные науки. Недостаточное внимание исследователей к этой проблеме в англосаксонском мире объясняется недостатками перевода Т. Парсонса, который в 1930 году перевел «избирательное сродство» как «корреляции»¹. Вместе с тем в последнее время правильному прочтению данного термина в контексте Вебера и его интерпретации религиозного фактора в экономике уделяется достаточно большое внимание [17–19].

Можно сказать, что это сродство прослеживается даже в тех шутках и анекдотах, которые складываются о протестантах в мультиконфессиональном контексте. В трактовке Вебера логика исторического процесса – это логика избирательного

¹ Примечательно, что метафорическое усиление в этом же переводе выражения «защита, подобная стальному панцирю» до «железной клетки» породило долгую дискуссию о железной клетке рационализации.

средства. Развитию капитализма способствовала определенная форма религиозного опыта и мирской этики. В ответе на этот вопрос Вебер склонен указывать на момент, на констелляцию и в то же время стремится раскрыть устойчивое своеобразие кальвинизма.

В данной статье представляется важным разобраться в концепции Вебера относительно взаимосвязи экономики и религии. Для этого сначала будут в общих чертах намечены аргументы Вебера об особой роли протестантизма в формировании современного капитализма. Затем на основании сопоставления Гете и Вебера будет проинтерпретирована концепция «избирательного средства» экономического и религиозного. Критика веберовского подхода покажет ограниченность этого объяснения.

Идея Вебера

Одна из основных задач Вебера – раскрыть зарождение и внутреннюю логику развития западного капитализма, которое до неузнаваемости изменило весь мир. Не будет сильным упрощением сказать, что этот процесс он связывает с тотальной рационализацией многих сторон жизни: музыки, права, искусства, науки, управления, этики, обмена, организации труда и производства, бухгалтерской отчетности и вложений капитала [2, с. 51]. По мнению Вебера, превращению капитализма из традиционного в современный не хватало специфического духа, т. е. «этически окрашенной нормы, регулирующей весь уклад жизни» [Там же, с. 74]. Связь между формой и духом капитализма описывается Вебером через категорию адекватности. Косвенные следствия Реформации, выраженные в большем аскетизме, индивидуализ-

ме и методическом следовании регламентации, оказываются востребованными новым хозяйственным строем. Обращение к первохристианскому опыту парадоксальным образом привело к новой трудовой и социальной этике, когда сам экономический космос переосмыслился в позднем кальвинизме как богоугодный.

Концепция Вебера не столь прямолинейна и достаточно витиевата при ближайшем рассмотрении. Астрологическим термином *констелляция* Вебер подчеркивает случайность совпадения многих неповторимых событий, которые совместно привели к встрече аморального капитализма и религиозной этики. Свое исследование Вебер считал предварительным и не разделял «доктринерского тезиса» о том, что капитализм стал результатом протестантизма: «Та и другая (спиритуалистическая и материалистическая интерпретации – Д. Р.) допустимы в равной степени, но обе они одинаково мало помогают установлению исторической истины, если они служат не предварительным, а заключительным этапом исследования» [Там же, с. 208].

Остановимся чуть подробнее на отдельных важных нюансах работы Вебера. Во-первых, он работает с идеально-типическими конструкциями. Капитализм в этом смысле не универсален, но исторически и культурно обусловлен [6, 8–10]. Наряду с современным капитализмом существовал традиционный и архаичный [5]. Во-вторых, Вебер активно работает с устойчивостью внутренней специфики теологической доктрины протестантов, в частности кальвинистов, т. е. решающим считает не фактор притеснений или «эффект гонимой группы», но косвенные следствия доктрины в практической этике.

Капитализм и христианство: избирательное сродство

Для распространения духа современного капитализма ключевое значение имела именно нравственная мотивация последователей Реформации. В своем исследовании Вебер пользуется термином *избирательное сродство*: «Ввиду невероятно сложного переплетения взаимосвязей между материальным базисом, формами социальной и политической организации и духовным содержанием эпохи Реформации приходится принять следующий метод: *прежде всего* надлежит установить, существует ли (и в каких пунктах) определенное “избирательное сродство” между известными формами религиозного верования и профессиональной этикой. Тем самым... выявится также тип и общая *направленность* того влияния, которое религиозное движение оказывало в силу подобного избирательного сродства на развитие материальной культуры» [5, с. 106].

Что же следует понимать под термином «избирательное сродство»², или в немецком варианте *DieWahlverwandschaften*? В Германии этот термин с XVIII в. стал активно использоваться в химии, затем, после выхода одноименного романа Гёте, стал частью культурного дискурса образованной элиты немецкого общества [18, 19]. Вебер употреблял этот термин не в химическом, а в расширительном гуманитарном смысле. Коль

² Концепция избирательного сродства занимает, по мысли Хове [17], который в основном опирается на Канта, ключевое место в понимании всей социологии Вебера, поскольку показывает взаимосвязь между идеями и интересами, существованием и сознанием, эмпирией и разумом, кальвинизмом и капитализмом, буржуа и религией, протестантскими сектами и демократией. Статья М. Лёви [18] содержит наиболее полный разбор понимания термина «избирательное сродство» у Вебера.

скоро именно Гёте следует считать автором расширительного использования данного термина, то представляет интерес интерпретация исследовательского наброска Вебера через Гёте.

В романе Гёте «Избирательное сродство» один из героев – Капитан – следующим образом разъясняет интересующий нас термин: «...То, что мы называем известняком, есть более или менее чистая известковая земля, вошедшая в тесное соединение со слабой кислотой, которая известна нам в газообразном виде. Если кусок известняка положить в разведенную серную кислоту, то последняя, соединяясь с известью, образует гипс, а слабая газообразная кислота улетучивается. Тут произошло разведение и новое соединение, и мы считаем себя вправе назвать это явление “избирательным сродством”...» [4, с. 115]. Процесс реакции избирательного сродства предполагает притяжение и отталкивание по принципу избирательности, объединение ряда элементов и разлучение других; он приводит к появлению новых сущностей и может зависеть от опосредующих элементов. Обратим внимание на то, что летучий газ должен был оказаться в беспредельности, что вызывает жалость героини романа Шарлотты. Капитан разъясняет, что впоследствии газ превратится в минеральную воду, придав ей уникальные качества.

Проинтерпретируем теперь Вебера. Очевидно, что между реформируемой религией и материальным базисом нет прямой связи, капитализм не может считаться продуктом Реформации. Современной культуре, и особенно хозяйственной этике, свойственна рациональность. Протестантская этика, по мысли Вебера, представляет собой как чисто религиозное явление, так и еще один шаг по пути рационализации

этических отношений. В результате стечения обстоятельств протестантская этика, вступив во взаимодействие с материальной культурой, образовала «новое вещество» – рационалистический дух современного капитализма. По аналогии с Гёте протестантизм следует уподобить известняку, материальный базис – серной кислоте, рациональность – извести, а гипс – хозяйственной этике современного капитализма, т. е. избирательное сродство между религиозно-этическими принципами протестантизма и современной формой хозяйства основано на рационализации.

Протестантская этика, как показал Вебер, была не только религиозной этикой, но и несла в себе элементы чистой рациональности. Очевидно, религиозность уже была лишней для нового хозяйственного строя. Вебер, стремившийся не давать никаких субъективных оценок, признавал, что роль протестантизма была исторической, а «пуританизм стоял у колыбели современного экономического человека» [2, с. 200]. Это говорит лишь об исторической обусловленности связи того же кальвинизма и нового хозяйственного строя. После того как «реакция» произошла, «дух капитализма» уже не нуждается ни в каких санкциях. «Люди, преисполненные “капиталистического духа”, теперь если не враждебны, то совершенно безразличны по отношению к церкви, – поясняет Вебер и продолжает: – Благочестивая скука рая не прельщает столь деятельные натуры, а религия представляется им лишь средством отвлечь людей от трудовой деятельности в этом мире» [Там же, с. 89]. «Поздний» капитализм уже не нуждается в религиозных опорах. При этом становится яснее и то, что для самого протестантизма данная трансформация является косвенным и случайным следстви-

ем. Настороженное отношение к богатству, к деньгам, к безличной торговле сохраняются в пуританизме и сейчас. В определенной степени можно говорить, что религиозность в ее традиционной форме «улетучилась», осталась рациональность, которая, потеряв свой изначальный сакральный смысл, стала более формальной. Протестантизм перетолковывается в мировоззрение, где центральное место занимает тот тип рациональности, который не нуждается в опоре на ценности, но сам становится ценностью. Постепенно уходят в прошлое и более традиционные формы ведения бизнеса, основанные на ценностях семьи, на личном участии, а также откровенно авантурные предприятия.

Определенным подтверждением данной интерпретации можно считать то, что Вебер в более поздней работе «Экономика и общество» использует термин «избирательное сродство» для связи между экономическим рационализмом и этически строгой религией: «...Мы только хотим установить существование избирательного сродства между экономическим рационализмом и определенным типом этически строгой религии. Это сродство только иногда случается за пределами Запада» [25, с. 480]. Такова возможная интерпретация идей Вебера, которая в какой-то степени позволяет отстоять идеи Вебера в контексте его критики.

Вебер в контексте критики

«Протестантская этика и дух капитализма» быстро стала классической работой, привлекавшей критиков. Дискуссии, объединявшие критиков и последователей, длились достаточно долго [20]. Знакомство с ними помогает исследованию религиозного фактора в экономике. Критику в данном

контексте можно редуцировать к двум взаимосвязанным направлениям: историческому и методологическому.

Не будет преувеличением сказать, что наиболее непреклонными критиками Вебера стали историки. Это и понятно, учитывая столь широкое обобщение, которое в упрощенной интерпретации следует из трактата Вебера. Многие исторические факты никак не укладываются в эти обобщения. Историки справедливо замечали, что капитализм в его достаточно современных формах зародился задолго до Реформации в итальянских торговых городах (Венеции, Флоренции, Генуе и др.), а затем продолжил свое развитие в Амстердаме, Антверпене, Аугсбурге и других крупных финансово-промышленных центрах Европы, которые продолжали держаться католичества [12]. С наиболее радикальной критикой выступил историк экономики Курт Самуэльсон. Он поставил под сомнение существование какой-либо связи между экономикой и религией, показав общие процессы модернизации в протестантской Англии и католической Бельгии [22]. Резюмируя, можно сказать, что западное христианство в целом обладает избирательным сродством с современными формами капитализма, и не только Реформация, но и контрреформация участвуют в процессе отбора новых форм взаимодействия.

Во многом близкой историкам является методологическая критика. Метод идеальных типов подразумевает, что факты реальности понимаются через степень близости к идеальной конструкции, нашедшей отражение в зафиксированном понятии. Социальные науки активно пользуются идеальными типическими конструкциями. Государство, человек экономический, капитализм, раци-

ональность – все это идеально-типические конструкции. В понимающей социологии Вебера [1, 5] современный рациональный капитализм, религиозный аскетизм конструируются как чистые идеальные типы.

Веберовские конструкции идеальных типов получили критическую оценку. Так, Х. Робертсон публикует в 1933 году работу «Аспекты роста экономического индивидуализма. Критика Макса Вебера и его школы» [21], а Й. Шумпетер видел в конструировании идеальных типов «фундаментальную методологическую ошибку» [23, с. 80]. Соглашаясь с элементами данной критики, приходится признать, что для обобщений и установления связности процессов в обществе в той или иной степени обращение к идеальным типам неизбежно.

Работа Вебера встречала не только критику. Во многом дополнили аргументы Вебера В. Зомбарт и Р. Тоуни. Зомбарт раньше Вебера стал пользоваться понятием «дух капитализма». Раздвигая горизонты интерпретаций, он разглядел этот дух уже в позднем средневековье, а также в иудаизме [7]. Тоуни в книге «Религия и подъем капитализма» (1933) показал, что учение протестантов XVI–XVII вв. воздействовало на социальную мысль, на мировоззрение верующих, приближая его к рациональному, утилитарному индивидуализму [24]. Постепенно экономика переставала включаться в сферу религиозного, обнимающего собой всю целостность традиционного средневекового мира, ростовничество уже не рассматривалось как продажа времени, принадлежащего только Богу. Тоуни убедительно показал, что истоки этих процессов содержатся в сфере социальной мысли протестантских проповедников, защищая тем самым Вебера от чрезмерных атак критиков.

Большая часть критиков идей Вебера занимала двойственную позицию. С одной стороны, многие предлагали новые интерпретации модернизации, связывая ее с географическими открытиями и притоком новых денег (Робертсон), с развитием римского права (Брентано), с формированием национальных государств и падением роли Римской церкви, с секуляризацией (Каннингем), с процессом все большего структурного и функционального деления общества. С другой стороны, большая часть исследователей признавала определенную правоту Вебера, не отрицая роль протестантизма в формировании индивидуализма, персональной ответственности и более независимой гражданской позиции, более высокого уровня образования и в формировании принципиально новой картины мира.

Представляют определенный интерес варианты корректировки тезиса Вебера в контексте неевропейского опыта Китая, Индии, Японии. Именно таким образом Ш. Эйзенштадт провел сравнительное изучение модернизации в странах Азии. Эйзенштадт косвенно укрепляет аргументы Вебера, говоря не о прямой причинно-следственной связи между пуританизмом и капитализмом, но об определенном трансформационном потенциале протестантизма [15, с. 218]. Протестанты вынуждены были формировать новые институты, уже не вписывающиеся в более традиционные схемы. Концепция трансформационного потенциала переключается с описанием Вебера через логику избирательного средства. Потенциал раскрывается при определенных обстоятельствах, когда между элементами новой религиозности и новыми формами ведения дел намечается избирательное притяжение, формирующее новое явление. Эйзенштадт полагает, что своео-

бразие протестантизма проявляется в мирском аскетизме, индивидуализме и личной ответственности, в отказе от традиционной иерархии [Там же, с. 221, 222]. Важное значение имеет перестройка мировоззрения и отношения к миру, одним из косвенных результатов которой становится появление нового типа предпринимателя. Основным условием для реализации трансформационного потенциала является, по мысли Эйзенштадта, определенная степень автономности экономической, социальной, культурной и политической жизни, поскольку зачастую отверженность, положение гонимой группы более чем доминирование, способствует развитию трансформационного потенциала.

* * *

Подводя итоги, следует отметить, что современное прочтение «Протестантской этики и духа капитализма» Вебера дает возможность лучше понять аргументацию немецкого социолога, сравнить потенциал хозяйственной этики различных христианских конфессий. Интерпретация социологической и исторической логики избирательного средства протестантизма и капитализма через литературный образец Гёте выявила сложность взаимосвязи и избирательную притягательность (*elective attractio*) между строгой этикой протестантизма и экономическим рационализмом новых форм современного капитализма. Более активное использование концепции избирательного средства в интерпретации Вебера позволяет менее рискованно пройти между Сциллой слишком упрощенного понимания каузальных связей и Харибдой тотального незнания. Капитализм и Реформация связаны взаимным притяжением через современность, секуляризацию, рациональ-

ность, все те новые практики, которые стали свободны от традиции, ритуала. Нелишне предположить, что использование термина *избирательное сродство* со сложившимися коннотациями вчитывает в связь капитализма и религии не только аскетизм, но и в потенциале эстетику, мистику и эротизм, которые сам Вебер оставил без достаточного внимания. Логика истории и культуры – это часто логика избирательного сродства или избирательного притяжения. Вебер стал первым, кто ввел это понятие в социальные науки, показав притяжение рациональной трудовой этики современного капитализма и методического аскетизма в протестантизме и одновременного отталкивания прежних традиционных коллективных практик.

Литература

1. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 602–643.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 61–272.
3. Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность. – М.: Политиздат, 1991.
4. Гете И.В. Избирательное сродство: роман / пер. с нем. А. Федорова. – М.: Олма-пресс, 1998.
5. Давыдов Ю.Н. Веберовская социология капитализма // Макс Вебер, прочитанный сегодня / под ред. Р.П. Шпаковой. – СПб., 1997. – С. 93–119.
6. Зарубина Н.Н. Современная веберiana о роли индуизма и буддизма в хозяйственной жизни // Культурные и литературные процессы в странах Востока / отв. ред. К.И. Гольгина. – М., 1987. – С. 46–56.
7. Золмбарт В. Евреи и их участие в образовании современного хозяйства: пер. с нем. – СПб.: Э.О. Левинсон, 1910.
8. Миропольский Д.Ю. Экономическая теория и типы хозяйственных систем // Экономика и управление. – 2007. – № 2. – С. 22–28.
9. Румянцев М.А. Пределы капитализма // Проблемы современной экономики. – 2012. – № 3. – С. 50–52.
10. Рязанов В.Т. Роль религиозной этики в формировании этно-экономических (национальных) систем хозяйствования // Проблемы современной экономики. – 2008. – № 3. – С. 102–108.
11. Узланер Д. Расколдование дискурса: «религиозное» и «светское» в языке нового времени // Логос. – 2008. – № 4 (67). – С. 140–159.
12. Февр А. Капитализм и Реформация // Февр А. Бои за историю. – М., 1991. – С. 203–216.
13. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993.
14. Davies Ch. The Protestant ethics and the comic spirit of capitalism // The British Journal of Sociology. – 1992. – Vol. 43, N 3. – P. 421–442.
15. Eisenstadt S.N. Tradition, change and modernity. – New York: Wiley, 1973.
16. Hamilton G. Civilizations and the organization of economics // The Handbook of Economic Sociology / ed. by N.J. Smelser and R. Swedberg. – Princeton, 1994. – P. 183–204.
17. Howe R.H. Max Weber elective affinities: sociology within the bounds of pure reason // The American Journal of Sociology. – 1978. – Vol. 84, N 2. – P. 366–385.
18. Löwy M. Le concept d'affinité elective chez Max Weber // Archives de Science Sociales de Religion. – 2004. – Vol. 127. – P. 93–103.
19. McKinnon A. Elective affinities of the Protestant ethic: Weber and the chemistry of capitalism // Sociological Theory. – 2010. – Vol. 28, iss. 1. – P. 108–126.
20. Protestantism, capitalism, and social science. The Weber thesis controversy / ed. by R.W. Green. – Lexington: Heath, 1973.
21. Robertson H.R. Aspects of the rise of economic individualism: a criticism of Max Weber and his school. – Cambridge: Cambridge University Press, 1933.
22. Samuelsson K. Religion and economic action. – New York: Basic Books, 1961.

23. Schumpeter J. History of economic analysis. – New York: Oxford University Press, 1986.

24. Tawney R.N. Religion and the rise of capitalism: a historical study. – London: J. Murray, 1926. – (Holland Memorial Lectures; 1922).

25. Weber M. Economy and society: an outline of interpretive sociology. – Berkeley: University of California Press, 1968.

RELIGIOUS FACTOR IN ECONOMY: ON THE INTERPRETATION OF WEBER

D.E. Raskov

St. Petersburg State University

danila.raskov@gmail.com

The article considers the Max Weber's interpretation of the interrelations between economy and religion. The concept of «elective affinities» which played one the central roles in explaining complex correlations between the material culture and the religious experience is in the focus. The article argues that Goethe's famous novel «Die Wählerwanschaften» (1809) and various critical replies do help to understand better the logic of Weber's essay «The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism» (1905). In addition, this interpretation gives an opportunity to show the formal similarities and the content differences of the role of Protestantism and Old Belief (Schism of the Russian Orthodox Church) in the economic modernization of Europe and Russia.

Keywords: Weber, elective affinities, Protestantism, Old Believers, capitalism.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-2.1-70-80

References

1. Weber M. Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya [Basic concepts in sociology]. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, 1990, pp. 602–643. (In Russian)

2. Weber M. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma [The Protestant ethic and the spirit of capitalism]. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, 1990, pp. 602–643. (In Russian)

3. Gaidenko P.P., Davydov Yu.N. *Istoriya i ratsional'nost'* [History and rationality]. Moscow, Politizdat Publ., 1991.

4. Goethe I. *Izbiratel'noe srodstvo* [Elective affinities]. Translated from German by A. Fedorov. Moscow, Olma-press Publ., 1998.

5. Davydov Yu.N. Veberovskaya sotsiologiya kapitalizma [Weber's sociology of capitalism]. *Maks Veber, pročitannyi segodnya* [Max Weber, read today]. Ed. by R.P. Shpakova. St. Petersburg, 1997, pp. 93–119.

6. Zarubina N.N. Sovremennaya veberiana o roli induizma i buddizma v khozyaistvennoi zhizni [Contemporary Weberian thinking on the role of Induism and Buddhism in economic life]. *Kul'turnye i literaturnye protsessy v stranakh Vostoka* [Cultural and literary processes in the countries of the East]. Ed. by K.I. Golygina. Moscow, 1987, pp. 46–56.

7. Sombart W. *Evrei i ikh uchastie v obrazovanii sovremennogo khozyaistva* [Jews and their role in forming of modern economy]. Translated from German. St. Petersburg, E.O. Levinson Publ., 1910. (In Russian)

8. Miropol'skii D.Yu. Ekonomicheskaya teoriya i tipy khozyaistvennykh sistem [Economic theory and types of economic systems]. *Ekonomika i upravlenie – Economics and Management*, 2007, no. 2, pp. 22–28.

9. Rumyantsev M.A. Predely kapitalizma [Limits of capitalism]. *Problemy sovremennoi ekonomiki – Problems of modern Economics*, 2012, no. 3, pp. 50–52.

10. Ryazanov V.T. Rol' religioznoi etiki v formirovaniі etno-ekonomicheskikh (natsional'nykh) sistem khozyaistvovaniya [Role of religious ethic in forming of ethnic (national) economic systems]. *Problemy sovremennoi ekonomiki – Problems of modern Economics*, 2008, no. 3, pp. 102–108.
11. Uzlaner D. Raskoldovanie diskursa: “religioznoe” i “svetskoe” v yazyke novogo vremeni [Desacralization of discourse: “religious” and “secular” in the language of new age]. *Logos*, 2008, no. 4 (67), pp. 140–159.
12. Febvre L. Kapitalizm i Reformatsiya [Capitalism and Reformation]. *Boi za istoriyu* [Fights for history]. Moscow, 1991, pp. 203–216. (In Russian)
13. Heidegger M. Vremya kartiny mira [Time of the picture of the world]. *Vremya i bytie* [Time and Being]. Moscow, Respublika Publ., 1993. (In Russian)
14. Davies Ch. The Protestant ethics and the comic spirit of capitalism. *The British Journal of Sociology*, 1992, vol. 43, no. 3, pp. 421–442.
15. Eisenstadt S.N. *Tradition, change and modernity*. New York, Wiley, 1973.
16. Hamilton G. Civilizations and the Organization of Economics. *The Handbook of Economic Sociology*. Ed. by N.J. Smelser, R. Swedberg. Princeton, 1994, pp. 183–204.
17. Howe R.H. Max Weber elective affinities: sociology within the bounds of pure reason. *The American Journal of Sociology*, 1978, vol. 84, no. 2, pp. 366–385.
18. Löwy M. Le concept d'affinité elective chez Max Weber. *Archives de Science Sociales de Religion*, 2004, vol. 127, pp. 93–103.
19. McKinnon A. Elective affinities of the Protestant ethic: Weber and the chemistry of capitalism. *Sociological Theory*, 2010, vol. 28, iss. 1, pp. 108–126.
20. Green R.W., ed. *Protestantism, capitalism, and social science. The Weber thesis controversy*. Lexington, Heath, 1973.
21. Robertson H.R. *Aspects of the rise of economic individualism: a criticism of Max Weber and his school*. Cambridge, Cambridge University Press, 1933.
22. Samuelsson K. *Religion and economic action*. New York, Basic Books, 1961.
23. Schumpeter J. *History of economic analysis*. New York, Oxford University Press, 1986.
24. Tawney R.N. *Religion and the rise of capitalism: a historical study. Holland Memorial Lectures*, 1922. London, J. Murray, 1926.
25. Weber M. *Economy and society: an outline of interpretive sociology*. Berkeley, University of California Press, 1968.